

Говард Филлипс Лавкрафт

Ex Oblivione

Когда настали мои последние дни и безобразные мелочи жизни стали подталкивать меня к безумию, подобно маленьким капелькам воды, которые палачи заставляют падать непрерывной чередой в одну точку на теле их жертвы, я полюбил лучезарное прибежище сна. В своих грезах я находил немного той красоты, которую тщетно искал в реальной жизни, и бродил по старым садам и заколдованным лесам.

Однажды, когда веял нежный ароматный ветерок, я услышал зов Юга и отправился в бесконечное томное плавание под незнакомыми звездами.

В другой раз, когда шел легкий дождь, я плавно скользил на барже по темному подземному потоку, пока не достиг другого мира, мира багровых сумерек, радужных деревьев и неувядающих роз.

Я гулял по золотой долине, которая вела к тенистым рощам с развалинами храмов и заканчивалась у мощной стены, покрытой зеленью старого винограда, в которой пряталась небольшая бронзовая калитка.

Много раз я гулял по этой долине, все дольше и дольше задерживаясь в радужном полумраке, где причудливо изгибались гигантские кривые деревья, и от одного ствола к другому расстилалась влажная серая земля, местами обнажая заплесневелые камни погребенных под ней храмов. И всегда целью моих грез была заросшая виноградом стена с маленькой бронзовой калиткой.

Через некоторое время, когда дни пробуждения стали все более и более невыносимыми из-за серости и однообразности, я часто плыл по долине и тенистым рощам в наркотическом покое, думая о том, как бы навсегда поселиться здесь, чтобы не уползать каждый раз обратно в этот скучный мир, лишенный всякого интереса и новых цветов. И когда я смотрел на маленькую калитку в мощной стене, мне казалось, что за ней простирается целая страна грез, из которой, если войти туда, уже не будет возврата.

И так каждую ночь во сне я стремился найти скрытый в увитой лозой стене запор калитки, хотя он был великолепно замаскирован. И я говорил себе, что пространство за стеной было не просто более реальным, но и более прекрасным и лучезарным.

Потом однажды ночью в городе снов Закарионе я обнаружил пожелтевший папирус, содержащий изречения мудрецов из мира снов, которые давным-давно жили в этом городе, и которые были слишком мудры, чтобы родиться в мире пробуждения. В папирусе было написано многое о мире снов, в том числе и сведения о золотой долине и священной роще с храмами, а также о высокой стене с маленькой бронзовой калиткой. Когда я увидел эту запись, то понял, что она относится именно к тем местам, которые я так часто посещал во сне, и поэтому я углубился в чтение папируса.

Некоторые из мудрецов витиевато описывали чудеса за калиткой, через которую нельзя пройти дважды, однако другие писали об ужасах и разочаровании. Я не знал, кому

из них верить, и, тем не менее, все сильнее хотел навсегда уйти в неизвестную страну; ведь сомнения и таинственность есть приманка из приманок, а никакой новый ужас не может быть страшнее ежедневной пытки, именуемой обыденностью. Поэтому, когда я узнал о существовании наркотика, который поможет мне отпереть калитку и пройти через нее, я решил принять его, когда проснусь в следующий раз.

Вчера вечером я проглотил этот наркотик и поплыл во сне в золотую долину и тенистые рощи; и когда я в этот раз подошел к древней стене, то увидел, что калитка была приоткрыта. Сквозь нее пробивалось таинственное сияние, озарявшее гигантские кривые деревья и верхушки погребенных под землей храмов, и я мелодично поплыл дальше, ожидая увидеть красоты страны, откуда я никогда не вернусь.

Но когда калитка открылась пошире и чары наркотика и сна провели меня через нее, я понял, что всем пейзажам и красотам пришел конец, так как в этом новом пространстве не было ни земли, ни моря - одна лишь белая пустота безлюдного и безграничного космоса. И, будучи счастлив до такой степени, какую я раньше не осмеливался представить, я вновь растворился в этой знакомой неопределенности кристально-чистого забвения, из которого искусительница-Жизнь призвала меня на один короткий и несчастный миг.

Перевод: Андрей Ельков, Юрий Копцов

1991 год